

СОДЕРЖАНИЕ

Благодарности	9
Предисловие к переизданию 2007 года	11
Введение	17
Угасание института войны, устойчивость войны как социальной практики	
Предыстория и контрасты	21
Содержание книги	25
Глава 1. Криминальные и организованные военные действия.	29
Почему люди воюют?	30
Становление армий: криминальное и организованное ведение войны	47
Криминальные и организованные войны, преступность, терроризм	53
Разновидности войн между организованными и криминальными вооруженными силами	58
Различия между криминальными и организованными военными действиями	62
Глава 2. Контроль над войной и нарастание неприятности к войне	64
Триумф организованных сил в Европе	64
Политический контроль над войной в Европе	74
Подъем антивоенного активизма накануне Первой мировой войны	82
Военный энтузиазм не сдает позиции	84
Положение дел в 1914 году	92
Глава 3. Первая мировая война: переломный момент	94
Опыт Первой мировой	96
Британский и американский вклад	109
Была ли необходимость в Первой мировой войне?	115

Глава 4. Вторая мировая война как катализатор антивоенных настроений	118
Запрос на мир после Великой войны	119
Италия и Япония	121
Гитлер как неизбежная причина европейской войны	126
Воздействие Второй мировой войны	150
Глава 5. Войны и конфликты времен холодной войны	152
Государственный суверенитет и попытка запрета на агрессию	153
Холодная война	155
Прекращение холодной войны	176
Затухание войн во время холодной войны	183
После холодной войны: виды на будущее	189
Глава 6. Гражданская война и терроризм после холодной войны	191
Криминальные военные действия в исполнении наемников	195
Криминальные военные действия в исполнении банд	226
Гражданская война с участием организованных сил	240
Терроризм	244
Гражданская война и ее изображение у Гоббса	249
Головорезы как боевые единицы пережитков войны	256
Глава 7. Мир после холодной войны: проблема поддержания порядка	261
Военно-полицейские интервенции после холодной войны	265
Опыт войн после холодной войны	308
Глава 8. Перспективы военно-полицейских интервенций	312
Препятствия для международных усилий по наведению правопорядка	313
Преодоление препятствий	336
Наведение правопорядка в ходе организованных военных действий	343

Силы правопорядка против террористов	344
Преступность и другие проблемы, спровоцированные или усиленные международными мерами правопорядка .	346
Перспективы международных усилий по наведению правопорядка.	352
Глава 9. Угасание войны. Объяснения и прогнозы . . .	354
Угасание войны в широком контексте	355
Альтернативные объяснения угасания войн	360
Установление нового мирового порядка: внутриполитические детерминанты	377
Библиография (переведенные источники)	400
Указатель имен и географических названий	404

*Дж. А. М. и Э. С. М.,
Карлу, Мишель, Карен, Эрику, Сьюзен и Крейгу,
Тимоти, Сэмюэлю, Кларе, Каре, Малькольму и Аттикусу,
памяти Кертиса Мэки,
Джима Гувера,
Карен и Джона Хардер*

БЛАГОДАРНОСТИ

Основные тезисы этой книги в различных формах и версиях уже были представлены в рамках конференции «Закат большой войны», организованной Раймо Вяйриненом в Университете Нотр-Дам в 2001 году, а затем — на конференции «Переосмысление суверенитета» в Университете штата Огайо, на конференции «Экономика гражданской войны» в норвежском Осло, состоявшейся при финансовой поддержке Всемирного банка, на конференции «Идентификация войн» в Университете Упсалы в Швеции, а также на конференциях Ассоциации международных исследований и Американской ассоциации политической науки. Кроме того, я почерпнул много полезного для подготовки книги из общения со студентами и аспирантами на семинарах в Университете штата Огайо и Университете Рочестера, а также в ходе моей стажировки в качестве приглашенного исследователя в Норвежском Нобелевском институте в Осло в 2001 году.

Я получил немало ценных комментариев, предложений и критических замечаний, порой весьма настойчивых, от Питера Андреаса, Раймо Вяйринена, Роберта Арта, Статиса Каливаса, Жака Хайманса, Гейра Лундестада, Рассела Хардина, Майкла Деша, Якаюки Ниши, Карла Мюллера, Бенджамина Валентино, Стэнли Энгермана, Аманды Розен, Патриции Вейцман, Ричарда Розекранца, Этель Золинген, Джефффри Паркера и Олава Ньельстада. Отдельную благодарность за комментарии, советы, предложения и помощь со сбором данных я выражаю Нильсу Петтеру Гледичу и Кристиану Гледичу, а Тимоти Мюллеру-Хардеру я признателен за помощь в исследованиях.

Также я хотел бы поблагодарить за точно сформулированные вопросы участников семинаров и дискуссий в Чикагском

университете, офисах RAND в Вашингтоне и Санта-Монике, Университете Солсбери, Университете Брауна, Калифорнийском университете в Сан-Диего, Университете штата Огайо, Ягеллонском университете в Кракове (Польша), Университете Огайо, Норвежском Нобелевском институте, Белградском университете, Университете Пенсильвании; Группе по изучению национальной безопасности (Вашингтон, округ Колумбия), Джорджтаунском университете; Калифорнийском университете в Лос-Анджелесе, Университете Цинциннати, Массачусетском технологическом институте, Колумбийском университете, Университете Альберты, Калифорнийском университете в Ирвине, Университете Робертс Уэслиан, Университете Рочестера и Стэнфордском университете. Кроме того, я благодарен сотрудникам издательства Корнельского университета Роджеру Хейдону, Карен Хва и Кэтрин Гол.

Некоторые идеи, представленные на страницах этой книги, вошли в статьи, опубликованные в научных изданиях *Journal of Peace Research* и *International Security*.

Дж. М.
Колумбус, Огайо

ПРЕДИСЛОВИЕ К ПЕРЕИЗДАНИЮ 2007 ГОДА

Через два года после первой публикации «Пережитков большой войны» основные тенденции, прослеженные в книге, оставались в силе.

Количество продолжающихся войн все так же находится на беспрецедентно низком уровне. Как следует из инфографики, приведенной на с. 87, в 2003 году велось лишь пять войн, в 2004 году в соответствии с теми же критериями их было семь, а в 2005 году снова шло пять войн¹.

Используя определения, сформулированные в книге, единственной межгосударственной войной, которая произошла в XXI веке, было американо-британское вторжение в Ирак — хотя кое-кто, вероятно, назовет это предприятие скорее имперской, а не межгосударственной войной. Иракская война, как известно, продолжается, приобретая все более разрушительный характер по мере дальнейшего сопротивления повстанцев оккупационным силам и поставленному ими правительству. Еще одним ингредиентом в этой горючей смеси стало нарастающее и отчасти криминальное по своей природе насилие между разными группами самих иракцев, в особенности между суннитами и шиитами.

Результаты войны (или катастрофы) в Ираке еще предстоит увидеть, но этот опыт, скорее всего, еще больше отобьет у развитых стран охоту отправлять своих солдат в потенциально враждебные места — иными словами, охоту к тому, что в этой книге именуется военно-полицейскими интервенциями. Например, в Судане в середине 2000-х годов правящий

¹ См. данные Uppsala Conflict Database по адресу: <http://www.pcr.uu.se/database/index.php>.

режим задействовал группы криминальных мародеров для подавления сепаратистского движения в западной части страны — эти действия вполне предсказуемо обернулись преступным хищничеством, этническими чистками, насилием, появлением значительных потоков беженцев и массовыми страданиями. Однако мировое сообщество спустя десять лет после покаянного заламывания рук по поводу неспособности вмешаться в геноцид в Руанде все так же отреагировало на эту ситуацию преимущественно выражением возмущения, давлением на суданские власти и обустройством лагерей для беженцев, которые отличались сомнительным качеством и нехваткой финансирования¹.

Фиаско на Ближнем Востоке, скорее всего, приведет к появлению в Соединенных Штатах чего-то наподобие «иракского синдрома». Его жертвами в американской политике могут стать такие идеи и феномены, как доктрина Буша, империя, унилатерализм, правого первого (на практике — превентивная война), последняя сверхдержава и нация, без которой невозможно обойтись. Эти некогда бывшие в моде, а порой и ведущие к самоослепению концепции уже и правда выглядят весьма причудливо².

В тени внимания, которое уделялось войне в Ираке, оставались по-прежнему незначительные масштабы гражданских войн. В 2005 году велось всего четыре такие войны, и все они едва ли соответствовали критерию, который используется для статистики войн в этой книге — более тысячи боевых потерь в ходе конфликта. Если повесить этот порог до 1500 погибших (что было бы вполне резонно), то окажется, что единственной во всем мире войной, которая шла

¹ Scott Straus, «Darfur and the Genocide Debate», *Foreign Affairs* 84 (1) January/February 2005: 123–146.

² См. также John Mueller, «The Iraq Syndrome», *Foreign Affairs* 84 (6) November/December 2005: 44–54; Mueller, «Force, Legitimacy, Success, and Iraq», *Review of International Studies* 31 (S1) December 2005: 109–125.

в 2005 году, будет война в Ираке. Впрочем, следует подчеркнуть, что конфликтные ситуации, за которыми следуют незначительные потери на поле боя, по-прежнему могут оборачиваться гуманитарными катастрофами для мирных жителей из-за криминального хищничества, массовых убийств, этнических чисток и резких нарушений функционирования экономики и инфраструктуры.

Как отмечено в книге, многие гражданские войны тянулись годами, и тенденция к увеличению списка войн в начале 1990-х годов была преимущественно следствием кумулятивного процесса: в каждый отдельно взятый год начиналось больше войн, чем прекращалось. Однако в последние годы этот процесс, похоже, двинулся в обратную сторону. Многие гражданские войны (возможно, их следует называть конкурентными криминальными предприятиями) исчерпали себя, а на смену им не пришли новые аналогичные конфликты.

Некоторые наблюдатели утверждают, что миротворческие усилия международных организаций зачастую эффективно способствовали недопущению возобновления войн¹. Международные структуры и консорциумы развитых стран, возможно, не в силах (а чаще не имеют желания) остановить войну, когда ее участники полны решимости сражаться дальше, однако порой они могут выгодно воспользоваться возможностями по стабилизации шаткого мира, когда воюющие стороны истощены. Однако, как утверждается в этой книге, есть вполне отчетливое ощущение, что эффективное долгосрочное решение проблем, связанных с гражданскими войнами, лежит в плоскости создания компетентных внутренних военных и полицейских сил.

¹ Andrew Mack, *Human Security Report 2005* (New York: Oxford University Press, 2005). James D. Fearon and David D. Laitin, «Neotrusteeship and the Problem of Weak States», *International Security* 28 (4) Spring 2004: 5–43. Virginia Page Fortna, *Where Have All the Victories Gone? War Outcomes in Historical Perspective* (New York: Saltzman Institute for War and Peace Studies, Columbia University, 2005).

Феномену явного угасания войн было посвящено, примечательно, немного высказываний или хотя бы просто внимания. В 2004 году ООН представила пресс-релиз «10 сюжетов, о которых в мире должны знать больше». В одном из них, озаглавленном «Парадокс миротворчества», отмечалось, что многие гражданские войны в последнее время завершились, и это дает немало обнадеживающих возможностей для международного миротворческого процесса¹. Этот сюжет подхватили программа Lehrer NewsHour на канале PBS и журнал *Business Week*, но на этом, кажется, все и кончилось. Газетный колумнист Гвинн Дайер посвятил указанному процессу лишь несколько заметок, а Грегг Истербрук в 2005 году опубликовал передовицу под заголовком «Конец войны?» в издании *New Republic*, которая привлекла мало внимания в СМИ². Что же касается сообщества политологов, то Роберт Джервис в своем обращении к Американской ассоциации политической науки в качестве ее президента в 2001 году обратил внимание на феномен (по меньшей мере потенциальный) угасания войн, Раймо Вяйрюнен выступил редактором ряда статей по этой теме, а Кристофер Феттвейс дал оценку потенциального воздействия угасания войн на теорию международных отношений³. Среди работ ведущих специалистов в области оценки войн и конфликтов и соответствующих количественных данных следует отметить исследования Монти

¹ См. www.un.org/events/tenstories.

² Gregg Easterbrook, «The End of War?», *New Republic*, May 30, 2005: 18–21. Как утверждал сам Истербрук, после выхода своей статьи он дал несколько интервью на радио — такой же была реакция на материал Джона Тирни «Дайте миру шанс», опубликованный в *New York Times* 28 мая 2005 года. Материалы Дайера см. по адресу: gwynnedyer.com.

³ Robert Jervis, «Theories of War in an Era of Leading-Power Peace», *American Political Science Review* 96 (1) March 2002: 1–14; см. также Robert Jervis, *American Foreign Policy in a New Era* (New York: Routledge, 2005). Raimo Väyrynen (ed.), *The Waning of Major War: Theories and Debates* (New York: Routledge, 2006). Christopher J. Fettweis, «A Revolution in International Relations Theory», *International Studies Review* (8) 4 December 2006: 677–697.

Маршалла и Фреда Гурра, которые подробно рассмотрели угасание межгосударственных и гражданских войн, а также канадского политолога Эндрю Мэка, представившего на эту тему получивший хорошие отзывы доклад, в котором вынесены на широкое рассмотрение данные, собранные норвежскими и шведскими учеными¹.

Очевидно, что пока еще слишком рано с определенностью утверждать об устойчивости тенденции к уходу войн в прошлое — да и мало кто ее заметит, пока продолжается война в Ираке. Кроме того, некоторые периодически прорывающиеся наружу вооруженные гражданские конфликты способны вновь превысить отмеченное выше пороговое значение насилия, хотя в настоящий момент большинство из них, похоже, идут на спад — в частности, в 2006 году удалось прекратить гражданскую войну в Непале. Но Эфиопия и Эритрея по-прежнему проявляют открытую враждебность друг к другу, множество проблем остается и на Среднем Востоке, где в 2006 году Израиль решил разделаться с группировкой «Хезболла», базирующейся на территории Ливана, а бедствия в Ираке могут привести к побочным эффектам. Новые войны могут, конечно же, начаться и в других местах: например, совершенно оправданно беспокойство по поводу китайско-тайваньского вопроса. Также можно упомянуть случаи насилия между разными группами в таких странах, как Нигерия и Ирак, которые зачастую напоминают войны, но не рассматриваются в этом качестве, поскольку в расхожем представлении, для того чтобы конфликт заслужил наименование «война», в нем по меньшей мере на одной из сторон должна участвовать государственная власть. Наконец, никуда

¹ Monty G. Marshall and Ted Robert Gurr, *Peace and Conflict, 2005: A Global Survey of Armed Conflicts, Self-Determination Movements, and Democracy* (College Park, Md.: Center for International Development and Conflict Management, University of Maryland, 2005). Mack, *Human Security Report*. См. также John Mueller, «Ideas, Thugs, and the Decline of War», in Manus I. Midlarsky (ed.), *Handbook of War Studies III* (Ann Arbor: University of Michigan Press, 2009).

не денутся криминальное хищничество и терроризм, субъектами которого, как и в случае с преступностью, могут выступать отдельные лица или очень маленькие группы¹.

И все же война стала примечательно редким явлением — пусть даже на какое-то время. Дальнейшее угасание этого древнего и «почтенного» института станет одним из самых монументальных событий в истории рода человеческого.

*Джон Мюллер,
26 февраля 2007 года*

¹ Тем не менее, как отмечается в этой книге, от рук террористов (по меньшей мере международных) во всем мире редко погибает более нескольких сотен человек за отдельно взятый год. Более масштабное рассмотрение этого вопроса см. в: John Mueller, *Overblown* (New York: Free Press, 2006).

ВВЕДЕНИЕ

УГАСАНИЕ ИНСТИТУТА ВОЙНЫ, УСТОЙЧИВОСТЬ ВОЙНЫ КАК СОЦИАЛЬНОЙ ПРАКТИКИ

В ряде очень важных аспектов институт войны определенно угасает. В наши дни стандартные — по сути дела классические — разновидности войны, в особенности крупномасштабные войны или войны между развитыми странами, стали столь редкими и маловероятными, что это дает уверенное основание считать их если не полностью ушедшим в прошлое, то отмирающим явлением. Межгосударственные войны в целом, конвенциональные¹ гражданские войны, колониальные войны и идеологические гражданские войны также очевидным образом идут на спад. В этой книге я рассмотрю, насколько велика вероятность того, что война вообще сходит на нет.

За несколькими редкими исключениями сегодня сохраняются две разновидности войн. Несомненно, более распространены неконвенциональные гражданские войны, которые в большинстве случаев разворачиваются в беднейших странах мира. Многие из этих войн получили такие наименования, как «новая война», «этнический конфликт» или, совсем уж величественно, «столкновение цивилизаций». Но в действительности большинство этих войн (хотя и не все) скорее представляют собой беспринципное хищничество, которым занимаются шайки преступников, бандитов и головорезов, иногда примечательным образом малочисленные. Эти лица участвуют в вооруженных конфликтах

¹ Под конвенциональными войнами понимаются боевые действия без применения оружия массового поражения. В книге Мюллера этим термином обозначаются преимущественно войны с участием организованных вооруженных сил. — *Прим. ред.*

в качестве либо наемников на службе у оказавшихся в безвыходном положении режимов, либо самостоятельных или полунезависимых полевых командиров или разбойничьих шаяк. Эти «силовые предприниматели», обычно пускающие в ход этнические, националистические, цивилизационные или религиозные разглагольствования, могут причинять немалый ущерб, особенно гражданским лицам, которые являются их главной добычей, а действия этих хищников зачастую трудно отличить от обычных преступлений.

Другая сохраняющаяся разновидность войн встречается намного реже: к ней можно отнести так называемые военно-полицейские интервенции (policing wars). Речь идет о военизированных операциях, в ходе которых развитые государства преимущественно успешно задействуют свои вооруженные силы с целью урегулирования гражданских конфликтов или свержения мафиозных режимов, существование которых на фоне явного прекращения крупных международных войн остается основной причиной насильственных смертей среди мирного населения планеты.

Эта книга посвящена исследованию перечисленных тенденций в ведении военных действий. Предмет книги и подход к его изучению можно кратко представить в виде четырех взаимосвязанных и более или менее взаимодополняющих тезисов.

Во-первых, необходимо объяснить такое очень примечательное явление, как угасание войн между развитыми странами. Для начала я продемонстрирую различие между организованными и криминальными участниками боевых действий, что позволит сформулировать следующее предположение: в середине прошлого тысячелетия в Европе организованные военные и полицейские силы стали одерживать безоговорочную победу над, по сути, криминальными силами, и этот процесс постепенно привел к установлению на европейском континенте гражданского порядка и государственной

системы. В результате война, прежде представлявшая собой почти перманентное явление, перешла под более целостный политический контроль. Затем, когда граждане и политики развитого мира разочаровались в войне (это произошло во время Первой мировой), они все более последовательно использовали имевшиеся у них механизмы контроля над войной, чтобы исключить возможность войны в принципе, по меньшей мере в рамках взаимоотношений между развитыми странами. С этой точки зрения Вторая мировая война в Европе оказывается вопиющим анахронизмом, устроенным почти единолично таким величайшим атавизмом истории, как Адольф Гитлер. В дальнейшем, на протяжении последнего полувека, неприятие войны развитым миром все больше признавалось и в других местах, в результате чего некоторые другие разновидности вооруженных конфликтов происходят все реже и реже.

Похоже, что это угасание войн преимущественно обусловлено теми изменениями, которые произошли в отношении к ценности и эффективности войны, в особенности за последнее столетие. Ключевым моментом здесь выступают ухищрения дельцов от идеологии, а не разнонаправленные социальные, экономические или технологические тенденции либо формирование институтов, торговля или модели взаимозависимости, которые зачастую выглядят в большей степени следствием мира и нарастающего неприятия войны, нежели их причиной. С этой точки зрения война — это не более чем идея, некий институт, который, подобно дуэлям или рабству, прижился на теле человеческого бытия. Война — не каверза судьбы, не послание из ада, не стихийное бедствие и не отчаянный изобретательный заговор, измышленный каким-то кукловодом-садистом где-то наверху. Поэтому мне представляется, что институт войны пребывает в явном упадке и невостребованности в силу изменения отношения к нему. Примерно по такой же модели сложилась участь

рабства — древнего и мощного института, со временем проявившего свою несостоятельность и затем преимущественно вышедшего из употребления.

Второй из ключевых тезисов предполагает оценку гражданских войн в период после холодной войны. За редкими исключениями гражданские войны представляют собой прежде всего акты хищничества, которые совершают преступники или военные бароны, а не столкновения между этническими группами или цивилизациями, причем зачастую такие действия осуществляются небольшими отрядами. Таким образом, в значительной и все большей степени война превратилась в собственные пережитки (*remnants*) — или отбросы, — а участвуют в этих остаточных военных действиях головорезы.

Третий тезис обращен к возможностям международного сообщества, в особенности развитых стран, пресекать криминальные войны и свергать мафиозные режимы при помощи военно-полицейских интервенций. Опыт периода после холодной войны подсказывает, что это не самая многотрудная задача: головорезы, как правило, трусливы и действуют по обстоятельствам, поэтому организованная и дисциплинированная крупная армия в принципе одержит над ними верх. Однако, несмотря на общее представление о том, каким должен быть мировой порядок после холодной войны, развитые страны по ряду причин едва ли осуществляют подобные действия систематически. В числе этих причин — резкое неприятие боевых потерь, принципиальное отсутствие интереса к таким действиям, нежелание ввязываться в них надолго, невозможность конвертировать успех интервенций в политические очки, глубоко укоренившиеся предубеждения против войны и агрессии и неверное, но удобное предположение, что гражданские конфликты вызваны неизбежной и не поддающейся рациональному объяснению межэтнической рознью, которую не смогут утихомирить благонамеренные чужеземцы.

Наконец, четвертый тезис подразумевает, что ключевым для значительной части сегодняшних гражданских войн моментом является отсутствие эффективного государственного управления, а не этнические трения или другие, еще более заоблачные материи. Исторический пример Европы показывает, что создание дееспособного государства в конечном итоге оказывается наиболее надежным способом долгосрочного контроля над большинством пережитков войны, а в перспективе и их искоренения. Существует ряд примечательных, хотя и не решающих свидетельств того, что даже в беднейших регионах мира правительства в целом становятся более эффективными, в результате чего криминальные войны (и криминальные режимы), подобно организованным войнам, возможно, войдут в стадию окончательного угасания.

ПРЕДЫСТОРИЯ И КОНТРАСТЫ

В этой книге я развиваю, перерабатываю и очень существенно расширяю аргументацию, представленную в опубликованной в начале 1989 года книге «Прочь от Судного дня», в которой рассматривались войны между развитыми странами. В то время военный и дипломатический историк Майкл Ховард в рецензии на мою книгу отнесся к ее основному тезису скептически, вежливо предположив, что «благоразумный читатель все же проверит, исправно ли ближайшее бомбоубежище». Однако уже к 1991 году Ховард размышлял о появлении «довольно приличной вероятности того, что война в смысле масштабного организованного вооруженного конфликта между высокоразвитыми обществами может не повториться вновь, а стабильный каркас международного порядка будет прочно утверджен». Два года спустя военный историк и аналитик Джон Киган в работе «История войны» констатировал, что та разновидность войн, которая была предметом его исследований, вероятно, сходит на нет: «Проведя

всю сознательную жизнь за чтением книг о войне, вращаясь в военных кругах, бывая на боевых позициях и наблюдая последствия войны, я бы предположил, что война, вероятно, больше не привлекает людей как желанное или эффективное средство устранения разногласий между ними, не говоря уже о том, что она не воспринимается как некое рациональное решение». Мэри Калдор в конце прошлого столетия допускала, что «варварство межгосударственных войн, возможно, уже отошло в прошлое», а в начале нынешнего столетия Роберт Джервис пришел к заключению, что войны между ведущими державами «в будущем не предвидятся», или, как сформулировал эту мысль Джеффри Рекорд, война может «полностью исчезнуть»¹. В дальнейшем наша планета, похоже, продолжила и даже ускорила движение прочь от Судного дня — после 1989 года это понятие фактически приобрело легкую ауру причудливости. И многие бомбоубежища, вопреки благоразумию, кажется, забросили.

Книга «Прочь от Судного дня» вышла как раз накануне окончания холодной войны и почти полностью была посвящена исследованию крупномасштабных войн, в то время как эта книга охватывает все разновидности войн, не только те, которые ведутся между развитыми странами. Эта книга включает и усиливает сделанный в предшествующей работе акцент на имеющей серьезные последствия значимости изменения отношения к войне. Кроме того, в этой книге представлен и разработан своего рода восходящий метод исследования войны, сфокусированный на способах набора, удержания в строю и мотивирования участников боевых действий. Я хотел бы подчеркнуть, что военное насилие в основе своей совершается не крупными и, по сути, воображаемыми сообществами, такими как культуры, цивилизации или народы, а группами

¹ Howard 1989; 1991, 176; Keegan 1993, 59; Kaldor 1999, 5/Калдор 2015, 38; Jervis 2002, 1; Record 2002, 6. См. также Mandelbaum 1998–1999, 20–38; 2002; Johnson 1995; Mack 2002, 523.

вооруженных людей, которые мобилизованы специально ради участия в войне. За исключением самых примитивных войн, в число участников боевых действий входит лишь малая доля членов того сообщества или группы, которые они призваны представлять, и в огромном количестве случаев численность этих людей по любым меркам чрезвычайно невелика — десятки, сотни или несколько тысяч.

Таким образом, мой подход разительно отличается как от подхода, сторонники которого утверждают, что большинство нынешних (и будущих) войн является воплощением столкновений цивилизаций космического масштаба, так и от подхода, в рамках которого гражданские конфликты рассматриваются как проявление ненависти — глубинной, неизбежной и древней, пусть и вырвавшейся наружу лишь сейчас. Мой подход также принципиально противоречит идущему от Гоббса образу гражданской войны как отчаянного конфликта всех против всех, когда брат идет на брата. Я же вижу в подобных конфликтах социальную катастрофу, творимую преимущественно небольшими бандами головорезов, промышляющих хищничеством. Кроме того, мой подход подразумевает критическое несогласие с позицией военного историка Мартина ван Кревельда, который справедливо, по моему мнению, утверждает, что «армии будут заменены специальными силами безопасности полицейского типа, с одной стороны, и бандами головорезов — с другой», но при этом все же настаивает, что война является «крайне привлекательной деятельностью, которой невозможно найти достойную замену»¹. Основная мысль моей книги такова: война — это не более чем идея. Война, в отличие от потребности в кислороде, пище или сексе, не является вещью, которую каким-то образом требует человеческая природа или силы истории. Следовательно, она может стать бесполезной и исчезнуть, что, похоже, и происходит.

¹ Van Creveld 1991, 225, 218/Ван Кревельд 2005, 334, 325.

Эта книга посвящена главным образом войне, а не терроризму. В списке определений, которые приводятся в главе 1, под терроризмом понимается периодическое насилие, совершаемое в специальных целях отдельными лицами или малыми группами. По сути, терроризм по своему принципиальному механизму (хотя и не по своим целям) больше похож на преступление, чем на войну. Некоторые предположения о сущности пережитков войны, изложенные на страницах этой книги, также способны помочь снизить распространенность терроризма. Но если мы можем представить себе мир, где война полностью ликвидирована силами правопорядка, то терроризм, как и преступность, существовал и, скорее всего, будет существовать всегда.

Я полагаю, что еще сохраняющиеся военные действия в принципе не представляют собой ничего значительного: их ведут небольшие банды хищных отщепенцев и преступников, зачастую действующих в наркотическом или пьяном угаре, которые, как и обычные преступники, руководствуются главным образом тягой к развлечениям и наживе, а не масштабными идеологическими, культурными, этническими или цивилизационными представлениями. Однако я никоим образом не имею в виду, что *последствия* мародерства этих силовых предпринимателей являются чем-то тривиальным, в особенности если представить совокупность этих последствий. Такие хищники способны приносить гибель целым обществам, поскольку их действия приносят им настолько отменную выгоду, что у них сохраняются все стимулы заниматься этим годами, а зачастую и десятилетиями. Из-за неприкрытого хищничества, из-за несущих голод и эпидемии разрухи и вынужденной миграции (или «этнических чисток») их действия способны привести к огромному количеству смертей — гораздо большему, чем в ходе многих конвенциональных войн с участием регулярных армий. Волею судьбы у боснийцев по этому поводу есть подходящая, хотя и сдержанная